

– № 78/6. – P. 1360–1368.

20. Hanifan L. J. The Rural School Community Center / L. J. Hanifan // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – Vol. 67, *New Possibilities in Education* (Sep., 1916). – P. 130–138 [Режим доступу до журналу <http://www.jstor.org/stable/1013498>].

21. Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities*. – Vintage Books, 1989. – 458 p.

22. Loury G. A Dynamic Theory of Racial Income Differences / G. Loury // Wallace P. A., LeMund A. (eds.) *Women, Minorities, and Employment Discrimination*. – Lexington Mass. : Lexington Books, 1977. – P. 153–188.

23. McLean Sc. L. Social capital: critical perspectives on community and «Bowling alone» / Scott L. McLean, David Andrew Schultz, Manfred B. Steger. – NYU Press, 2002. – 295 p.

24. Norris P. Making democracies work: social capital and civic engagement in 47 societies / Pippa Norris // John F. Kennedy School of Government Harvard University Faculty Research Working Papers Series, 2001. – 35 p. [Режим доступу до публікації <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/apcity/unpan036769.pdf>]

25. Putnam R. D. *Bowling Alone* / Robert D. Putnam. – Simon and Schuster, 2001. – 544 p.

26. Skocpol T. Diminished democracy: from membership to management in American civic life / Theda Skocpol. – University of Oklahoma Press, 2003. – 366 p.

27. Skocpol T. Unravelling From Above / Theda Skocpol // *The American Prospect*. – 1996. – №. 25. – P. 20–25 [Режим доступу до журналу «<http://epn.org/prospect/25/25-cnt2.html>»]

28. Snyder R. Social capital: the politics of race and gender. // *Social capital: critical perspectives on community and bowling alone*. Edited by S. McLean, D. Schultz, and M. Steger. – New York: New York University Press. – 2002. – P. 167–183

29. Spies-Butcher B. Social Capital in Economics: Why Social Capital Does not Mean the End of Ideology / Benjamin Spies-Butcher // *The Drawing Board: An Australian Review of Public Affairs*. – 2003. – Vol. 3. – Number 3. – P. 181–203.

30. Woolcock M. Social Capital and Economic Development: Towards a Theoretical Synthesis and a Policy Framework / M. Woolcock // *Theory and Society*. – 1998. – № 27/2. – P. 151–208.

Рябинчук М. В. Социальный капитал как междисциплинарная концепция в социальной науке.

Осмыслено границы применения концепций социального капитала в исследовательской практике через обращение к истории понятия и теории. Определено, что исключительная важность понятия социального капитала для социальной теории является следствием существующих претензий на междисциплинарную значимость. Критический взгляд на такие междисциплинарные перспективы указывает на идеологическую и методологическую ограниченность потребления отдельных концепций социального капитала наряду с неоспоримым фактом нахождения этой исследовательской программы в основе интегративных тенденций единой науки об обществе.

Ключевые слова: социальный капитал, междисциплинарность, экономическая теория, неолиберализм.

Ryabinchuk M. Social capital – an interdisciplinary concept in social science.

During the last twenty years the concept of «social capital», which is built on the intuition that social ties and relations can serve as a useful resource for individuals and society, actively takes positions in the social sciences. The research program of social capital synthesizes various theoretical paradigms, going beyond those academic and ideological frameworks in which it arises. From the areas of theoretical sociology, and economic theory, where the concept of social capital is constructed, the theory goes into the policymaking, combines the perspectives of economic, sociological and political science.

The limits of application of concepts of social capital in research practice through the reference to the history of concepts and theories were comprehended. Determined, that the critical importance of social capital for social theory is the result of claims for an interdisciplinary significance. Critical view of such interdisciplinary perspectives points to the ideological and methodological limitations of the use of some concepts of social capital. However, the undisputed fact of this research program, based on the integrative tendencies of a unified science of society. Consequences deriving from the social capital are identified in the margins of various disciplines. In the political sphere – is civil engagement and institutional effectiveness, in economics – the reduction of transaction costs, in social sphere – cohesion and solidarity, or even life satisfaction and well-being. The broad range of the research program of social capital at different levels of social phenomena stretches from the perspectives of historical macrosociology to micro-perspectives of network analysis. Within the framework of the research program is no consensus on how to operationalize and measure social capital, which significantly reduces the prospects of its indicators use in the determination the steps of policies.

Keywords: social capital, interdisciplinarity, economic theory, neoliberalism.

Надійшла до редколегії 28.02.2013 р.

УДК 502(073)

В. Н. Самченко

Красноярский государственный аграрный университет

ТИПЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ПРОГРЕСС НАУКИ

Распространенная сейчас в российской литературе концепция типов научной рациональности (В. С. Стёпин и др.) внутренне противоречива, содержит нравственно сомнительные моменты и характеризует эволюцию знания неполно и неточно. Предлагаемый подход преодолевает эти недостатки. Прилагается таблица исторических типов познания и техники.

Ключевые слова: типы рациональности, тип осваиваемых познанием явлений, научная революция, лидер науки, идейный облик науки.

В современной российской литературе широким признанием пользуется периодизация развития науки, разработанная В. С. Стёпиным. Это т. н. теория типов

научной рациональности. Ее автор – видная личность в российской философии и истории науки. В прошлом он был директором Института истории естествознания и техники АН СССР, затем, много лет, – директором Института философии АН СССР и Российской АН, ныне является научным руководителем того же института. Его концепция трех типов рациональности стала стандартной в преподавании истории и философии науки в российских вузах. Введенное Стёпиным понятие постнеклассической науки (с лидерством синергетики И. Пригожина – Г. Хакена) стало важнейшим центром кристаллизации представлений о современном этапе в развитии познания мира.

В то же время, многие ученые, и мы в их числе, считают подход Стёпина к выделению этапов развития науки недостаточно обоснованным, а его результаты – неточно отражающими исторический процесс, современное состояние науки и ее перспективы. И в целом данная концепция выглядит, на наш взгляд, скорее как результат «подстройки» представлений под текущие социальные потребности и идейные веяния, чем как собственно научный продукт. Причем в этой теории сказываются традиционные для России тенденции тоталитарного мышления, социального консерватизма и недоверия к науке, усиленные связью с упадочными постмодернистскими трендами западной философии недавнего прошлого (а порой еще и настоящего).

Теория Стёпина строится на выделении трех типов научной рациональности, которые в основном различаются по (как бы нарастающей) степени влияния в науке субъективных факторов. Конкретно, в 1989 г. автор концепции писал: «Классический тип рациональности центрирует внимание только на объекте и выносит за скобки все, что относится к субъекту и к средствам деятельности. Для неклассической рациональности характерна идея относительности объекта к средствам и операциям деятельности... Наконец, постнеклассическая рациональность учитывает соотносительность знаний об объекте не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности» [1, с. 18]. В дальнейшем эти положения без существенных изменений повторялись во многих работах того же автора [см. 2, с. 712–713, и др].

Сразу возникают вопросы: что такое тип рациональности, и каким образом научная рациональность (тоже тип) может делиться на типы, не переставая при этом быть научной и быть рациональностью?.. Прямого ответа на эти вопросы Стёпин не дает. Само выражение «тип рациональности» он, по всей видимости, косвенно заимствовал у родоначальников философии постмодернизма. В частности, М. Фуко часто писал о различии типов политической и юридической рациональности. С его легкой руки этот термин широко распространился в западной, а затем и в российской литературе, приобретая по пути разные смысловые оттенки.

Понятие собственно научной рациональности исследовали (точнее – пересматривали) с 60-х гг. XX века представители постпозитивизма, он же – историческая школа методологии науки (работы Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда и др.). Отличительный признак этой школы – именно релятивистский отказ от признания единой методологии науки для разных периодов ее исторического развития. Упомянутые авторы (как и В. С. Стёпин) связывали эволюцию научной рациональности с понятием научных революций. Но результат оказался нерадостным для науки. В частности, Фейерабенд довел релятивизацию методологии до ее полной анархизации, до полного отказа признать самостоятельность науки относительно политической идеологии, приравнял науку к мифу и объявил ее «наиболее агрессивным и наиболее догматичным религиозным институтом» [см. напр. 3, с. 321 и далее].

По справедливому заключению П. П. Гайдено, «Пристальное внимание историков и философов науки к научным революциям, меняющим сами критерии рационального знания... привело к установлению плюрализма исторически сменяющихся друг друга форм рациональности. Вместо одного разума возникло много типов рациональности. Тем самым была поставлена под вопрос всеобщность и необходимость научного знания. Скептицизм и релятивизм, столь характерные для историцизма в философии, распространились теперь и на естествознание» [4, с. 12-13]. На наш взгляд, в этом и состояла главная, хотя и скрытая цель деятельности постпозитивистов, обусловленная социально-идеологическими, то есть – изначально вненаучными факторами.

Но Стёпин, в отличие от постмодернистов, настоятельно декларирует свою верность понятию научной истины, и признает ее объективный характер при всех типах научной рациональности. Напомним, что В. И. Ленин, автор определения объективной истины, трактовал ее как такое содержание знания, «которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества» [5, с. 123]. Конечно, бывший советский философ В. С. Стёпин хорошо это знает (хотя прямых ссылок на Ленина по данному вопросу мы у него не встретили). Но как же тогда признание объективности истины совмещается

у него с утверждением о нарастающей роли субъективных факторов в построении научного знания?..

Насколько мы поняли, это делается путем привязки влияния субъективных факторов не прямо к понятию истины, а к понятию «истинного объяснения». В частности, Стёпин пишет: «Объективно истинное объяснение и описание применительно к «человекоразмерным» объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений. Возникает необходимость экспликации связей фундаментальных внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) с вненаучными ценностями общесоциального характера. В современных программно ориентированных исследованиях эта экспликация осуществляется при социальной экспертизе программ» [2, с. 631].

Но как включить аксиологические факторы в состав объясняющих положений, не совершая при этом явных нелепостей или не приходя к явно одиозным выводам?.. Допустим, мы согласны с такой «вненаучной ценностью», как запрет клонирования человека. Как включить ее в объяснение объективных возможностей и эффективных правил клонирования, не выходя при этом, извините, шутком? И что это может дать для развития науки, кроме его заведомого торможения?..

Возьмем пример из истории науки. Убеждение Дж. Бруно в наличии множества миров явно не соответствовало принятым в те времена «вненаучным ценностям общесоциального характера». Зато эти ценности плотно входили «в состав объясняющих положений» геоцентрической теории мироздания. Получается, что Бруно мыслил еще классически, зато его палачи уже тогда мыслили постнеклассически. То же пришлось бы сказать и о многих выдающихся ученых, от Сократа до Н. И. Вавилова, и об их гонителях во все времена. В этом смысле порядочные ученые всегда стояли на классических, а консервативные политические идеологи всегда стояли на постнеклассических позициях.

А как прикажете понимать идею Стёпина об «экспликации внутринаучных ценностей с вненаучными ценностями»? В логике эксплицировать означает определить в явной (не имплицитной) форме. Шире это слово может означать объяснение, прояснение, уточнение и т. д. В частности, экспликацией называют пояснение условных обозначений на картах и планах. Любое из этих значений трудно применить к отношению ценностей. И в любом случае нельзя эксплицировать что-то с чем-то. Здесь бессмысленна уже сама грамматическая форма. Если же попытаться наделить эту фразу смыслом, то придется ввести какое-то новое значение слова «эксплицировать».

По нашей догадке, Стёпин требует (от «лица» постнеклассической рациональности) согласовывать внутринаучные ценности, включая поиск истины, с вненаучными ценностями, допустим – с религиозным запретом на вмешательство в генетическую природу человека. И эта обскурантистская идеология не остается без попыток ее применения. Один из сторонников позиции Стёпина, П. Д. Тищенко, недавно писал: «Грубо говоря, мы должны выступить «тормозом» развития науки, чтобы она остановилась и задумалась – что она может знать, должна делать и на что мы все можем надеяться» [6, с. 23-24]. Но такая установка в ее развитии непременно возвратила бы нас к повторению историй с Дж. Бруно и Н. И. Вавиловым.

Автор рассматриваемой концепции ставит свои типы научной рациональности в соответствие с некоторыми типами объектов. В частности, в одной из своих последних работ В. С. Стёпин писал: «Критериями их (типов научной рациональности. – В. С.) различения выступают: 1) особенности системной организации объектов, осваиваемых наукой...» И далее: «На этапе классической науки основными объектами исследования являются простые системы... Основными объектами исследования в неклассической науке становятся сложные саморегулирующиеся системы... Стратегию развития современной (постнеклассической) науки определяет освоение сложных, саморазвивающихся систем» и т. д. [7, с. 18-20].

Но разве эволюционизм классической науки XIX века, от П. Лапласа до Ч. Дарвина, не был именно изучением сложных саморазвивающихся систем?.. Не на нем ли выросли эволюционное учение Г. Спенсера, диалектика Гегеля и марксистская диалектика?.. Сам автор напоминает, что еще в начале 80-х гг. прошлого столетия он предложил «интерпретацию гегелевской диалектики как категориального описания саморазвивающихся систем» [8, с. 8]. Но в таком случае диалектику Гегеля и марксизма пришлось бы отнести к постнеклассическому типу рациональности.

Согласно Стёпину, сложные саморазвивающиеся системы должны выступить и как предмет синергетики – лидера постнеклассической науки. Но тут автор уже прямо приходит к противоречию с самим собой. Назвав раздел статьи «Синергетика как

знание о саморазвивающихся системах», через несколько абзацев он фиксирует... недостаточность синергетики для полного описания таких систем, именно как систем иерархически сложных. «Конечно, можно, – писал Стёпин, – интерпретировать мир и как набор нелинейных сред (как это делает синергетика. – В. С.). Но при этом остается в тени... выявленная предшествующим (вот-вот. – В. С.) развитием науки иерархия системных объектов, образующих нашу Вселенную...» [8, с. 10].

Видимо, Стёпин надеется подправить понимание предмета синергетики с высоты философской теории. Но вряд ли это удастся сделать. Сложные саморазвивающиеся системы не являются для синергетики специальным предметом изучения. Правда, путаница в данном вопросе исходит не от Стёпина. Понятие сложной системы применительно к предмету наук, возникших в результате НТР, в том числе – к синергетике, порой употребляли Д. фон Нейман и Г. Хакен, а в некотором смысле – и И. Пригожин. Но такой выбор, в конечном счете, противоречит языковой интуиции. Вследствие этого, он порождал недоразумения не только в учении Стёпина.

Та же неточная посылка заставила Г. Г. Малинецкого еще в 90-е гг. XX века выделить «в предшествующем развитии синергетики ... два периода». В первый из них «удивлялись, начиная с А. Тьюринга, тому, что сложные системы устроены просто...». Во второй – «удивлялись тому, что простые системы могут вести себя сложно». По мнению Малинецкого, именно эти недоразумения ставят под вопрос состоятельность синергетики [9, с. 52-54]. На наш взгляд, они ставят под вопрос только состоятельность применяемой терминологии в оценке типов систем.

В самом деле: что сложного в однородной жидкости, при нагреве которой могут возникать ячейки Бенара, сами несложные по структуре?.. А ведь это хрестоматийный пример самоорганизации неравновесной среды в пространстве. Нет ничего сложного и в устройстве маятника Фроуда, часто приводимого как пример самоорганизации автоколебаний. Он представляет собой обычный маятник, свободно навешенный просторной втулкой на вращающийся вал. Это чисто механическая, по Стёпину – заведомо «малая», и действительно бедная элементами система.

Так же проста по строению, и может быть совсем небольшой по размерам, система из легкого маятника и камертона, на поведении которой часто демонстрируют эффекты динамического хаоса. Стёпин связывает их именно со «сложными, саморазвивающимися системами». На деле здесь не заметно не только сложности, но и саморазвития, если не путать последнее с единичным актом самоорганизации поведения. Несложны и так же далеки от выраженных способностей к саморазвитию многие другие объекты, на которых отслеживаются типичные процессы самоорганизации.

Данное обстоятельство несколько затеняется тем, что синергетика имеет дело с внутренне неравновесными и в этом смысле «непростыми» системами. Их поведение не интегрируется из суммы поведения составляющих их молекул. В этой связи И. Пригожин называл их БСП – большие системы Пуанкаре; однако иерархия структур тут снова ни при чем. Процесс самоорганизации системы действительно может привести к ее структурному усложнению, акт самоорганизации поведения действительно может стать моментом в процессе саморазвития. Но и в первом, и во втором отношении система не обязательно достигает каких-то качественных границ по оценке сложности или величины, и не обязательно вступает на путь дальнейшего саморазвития.

На самом деле характерной чертой объектов, изучаемых синергетикой и рядом других современных наук, является не структурная сложность как таковая, а сложность поведения. Причины его сложности заключаются, во-первых, в наличии обратной связи между процессами в системе (или в подсистеме) и реакцией окружения. Сам Стёпин полагает, что системы с обратной связью изучает уже неклассическая наука. Одной из важных черт таких систем является, по его мнению, гомеостатическое саморегулирование состояния. Нас в этой оценке не все устраивает, но не станем спорить по мелочам. Главное – не отрицается обратная связь в поведении систем, которые рассматриваются постнеклассической наукой.

Во-вторых, поведение таких систем усложняется благодаря роли флуктуаций (спонтанных колебаний), влияющих на выбор системой дальнейшего пути развития в точках бифуркации. Из-за этого поведение системы становится в ряде моментов непредсказуемым. Данный эффект характерен для процессов самоорганизации, то есть как раз для предмета синергетики. Он связан также с особым характером обратной связи в поведении таких систем. Это положительная обратная связь. В противоположность гомеостатическому саморегулированию, она не гасит, а поддерживает отклонения системы от равновесного состояния. Все это вместе делает поведение системы сложным безотносительно к ее иерархическому строению.

Другие возражения против концепции типов научной рациональности по Стёпину связаны с ее неполнотой, причем в двух смыслах. Во-первых, ее автор заведомо, сознательно ограничивает выделение этапов развития науки периодом Нового и Новейшего исторического времени. Всю предыдущую историю познания он записывает в раздел «преднаука». Но известно, что наука активно развивалась еще в античные времена, а в первой форме бытия существовала уже на Древнем Востоке. Наверное, с этим не стал бы спорить и сам В. С. Стёпин. Но, может быть, он задумал свою теорию именно как частную, только для осмысления зрелой науки, – на что автор теории имеет право.

Однако, во-вторых, его критерии выделения этапов развития науки неполны даже применительно к рамкам Нового и Новейшего времени. Собственно, критерий у него один: «типы рациональности», остальное под них подгоняется с существенной натяжкой. Фактически концепция Стёпина выступает как приложение модной постмодернистской тер-минологии к стихийно сложившимся представлениям об этапах эволюции науки в последние четыре столетия. То, что неправильно в этих представлениях, В. С. Стёпин не исправляет. Наоборот – санкционирует своей «теорией типов», жертвуя при этом историческими фактами и методологическими принципами.

В частности, в согласии со стихийно сложившейся традицией Стёпин признает единый классический этап развития науки в XVII–XVIII и XIX вв., связывая его выделение с лидерством классической механики. Он не игнорирует «вторую глобальную революцию» в знании, происходившую в конце XVIII и в первой половине XIX вв., и даже отмечает, что в XIX в. «механическая картина мира утрачивает статус общенаучной». Но так как автор не усмотрел здесь смены типа рациональности, то не мог усмотреть и нового исторического типа науки. По его мнению, «Первая и вторая глобальные революции в естествознании протекали как формирование и развитие классической науки и ее стиля мышления». Созданные ими этапы различаются якобы только двумя состояниями науки: дисциплинарным и дисциплинарно-организованным [2, с. 621].

Между тем, сам Стёпин двумя страницами выше определяет глобальные революции в познании именно как «периоды, когда преобразовывались все компоненты ее (науки. – В. С.) оснований» [2, с. 619]. Следовательно, такая революция должна приводить к также глобальным (а не только к организационным) изменениям в составе науки. К тому же известно, что как раз в начале XIX в. наука перешла от механистической идеологии к эволюционизму, а это действительно глобальный переворот.

Но Стёпин пытается доказать, что такой переход не был универсальным, т. к. якобы не касался физики. По его мнению, в это время «физика продолжает строить свои знания, абстрагируясь от идеи развития» [2, с. 621–622]. Тут Стёпин не замечает (может быть, сознательно) роли термодинамики как фактического лидера тогдашней физики и всего классического естествознания. Ведь открытие на ее почве закона сохранения и превращения энергии, а также признание в ней (хотя пока несовершенное) необратимости явлений, стали опорой эволюционных воззрений во всех областях тогдашней науки. Мы в данной связи выделяем предклассический этап развития науки, который охватывает XVII–XVIII века. Только тогда механика действительно полностью господствовала.

Читатель видит, что В. С. Стёпин не внушил нам веру в научную прогрессивность постнеклассического типа рациональности, как он сам его описал. Мы придерживаемся классической научной методологии, но не в смысле классического типа рациональности по Стёпину, который он связал с классической механикой. В своих важнейших чертах эта методология сформировалась уже во времена Аристотеля, определившего истину как соответствие знания предмету. Мы убеждены, что добросовестный ученый во все времена должен, по мере сил, не допускать «включения аксиологических факторов в состав объясняющих положений» своей научной концепции. Только тогда могут нормально развиваться и сама наука, и общество в целом.

С этой позиции мы разработали системный и (как полагаем) универсальный подход к выделению этапов исторического развития знания и науки. В нем фигурируют признанные критерии, на которые опираются многие историки и философы науки, включая отчасти самого Стёпина. Это, во-первых, выявление дисциплин, лидирующих на данном этапе развития познания. Во-вторых, это маркировка разделов между крупными этапами по глобальным революциям в развитии знания. В то же время, наш подход имеет существенные особенности.

Прежде всего, мы связываем господствующую научную парадигму эпохи с типом явлений, осваиваемых познанием на данной качественной ступени его развития. Понятие «тип осваиваемых явлений» играет в нашей концепции примерно ту же роль,

как у Стёпина – понятие типа осваиваемых систем (хотя выбор Стёпина, на наш взгляд, неудачен). По существу, именно этот тип определяет лидирующие дисциплины, а смена его составляет главное содержание и основной признак глобальной революции в развитии знаний. Перечень типов осваиваемых познанием явлений в нашей концепции включает:

1) познание свойств изучаемых предметов, их состава, строения и отношений между собой и с другими областями действительности;

2) изучение функционирования этих предметов, то есть – рутинных процессов, протекающих без качественного изменения предмета;

3) познание эволюции в данной предметной области, в собственном значении латинского слова *evolution*. Имеется в виду развертывание потенциалов (уже) ставшего предмета, проходящее ряд качественно различающихся этапов, за исключением моментов становления;

4) исследование самого становления, здесь означающего любой переход между бытием и небытием явлений данного вида или рода.

Формально в этот перечень можно добавить познание самоорганизации и познание развития. Но мы не стали выделять эти пункты изначально, поскольку в развитии знания они естественным образом синтезируются из других пунктов.

Тип осваиваемых явлений и лидирующие дисциплины совместно задают тип научного мышления, преобладающий на соответствующем этапе развития науки. В философском аспекте это, прежде всего, различия диалектического, метафизического (в смысле антидиалектики) и релятивистского стилей мышления. Важную конкретизирующую роль играют представления о характере связи явлений, в т. ч. – признание или непризнание реальности нелокальных связей.

Дополняют картину мировоззренческие идеи, типичные для науки на данном этапе ее развития. Это своего рода буферное образование между идейной сферой науки и сферой политической идеологии. Входящие в него элементы определяются в значительной степени ситуативно, и о его содержании порой можно спорить. Несмотря на такой дефицит определенности, отказаться от этого пункта нельзя. Ведь мировоззренческие и политические учения действительно влияют на научное сознание, и в этом отношении В. С. Стёпин совершенно прав.

В результате у нас получается пятичленная характеристика, которая достаточно полно и целостно определяет крупные этапы развития знания. С таким инструментарием можно анализировать его эволюцию на всех исторических стадиях, для чего концепция Стёпина заведомо непригодна. Правда, в приложении к ранним этапам приходится учитывать незрелость самого предмета: нельзя строго определить то, что еще не вполне определилось в самой действительности. Но обусловленные этим затруднения не носят принципиального характера. Такие ранние стадии развития знаний мы (в отличие от Стёпина) характеризуем не как «преднауку», а как предысторию самой науки.

Мы уже упомянули, но еще хотим конкретнее разъяснить два особенно значимых результата нашего подхода для представлений о ходе развития науки в Новое и Новейшее время. Это:

1) введение дополнительно предклассического этапа (наука XVII–XVIII веков), когда классическая механика господствует в науке фактически, а не в качестве пережитка в сознании;

2) утверждение о фактическом лидерстве термодинамики (статистической физики), в разных формах ее бытия, на неклассическом и на постнеклассическом этапах развития науки. Это, соответственно, равновесная термодинамика и неравновесная термодинамика (синергетика). Несовершенство первой из них способствовало пережиткам механицизма, вплоть до теории тепловой смерти Вселенной. Вторая представляет всю материю как саморазвивающееся целое.

Главной целью данной статьи было обосновать наш подход к анализу истории познания через критику господствующего ныне подхода. Сами (позитивные) результаты анализа истории познания согласно нашей схеме уже были неоднократно опубликованы в разных изданиях и в разных ракурсах. Для желающих ознакомиться с ними подробнее мы приводим важнейшие ссылки [см. 10–12]. А в настоящее время готовим к изданию монографию, в которой эти результаты обобщаются и подробно обосновываются.

Здесь мы ограничимся таблицей (см. табл. 1), в которой кратко представлены основные из этих результатов. Она отражает также развитие техники и вообще вносит кое-что свое в осмысление исторического материала. Ведь ни одна классификация не абсолютна. Всегда полезно взглянуть на предмет под иным углом зрения и увидеть его

стереоскопически.

ЭПОХА В РАЗВИТИИ ЗНАНИЯ							
Основные признаки знания	Азиатская	Античная	Средневековая	Предклассическая	Классическая	Неклассическая	Постклассическая
Отношение опыта и мышления	Опыт без объяснения (рецепты)	Теория без активного опыта	Опыт без рациональной теории	Рациональное осмысление активного опыта (эксперимента) в систематических теориях			
Характерный предмет	Свойства и отношения вещей	Общий Логос мироздания	Таинственные силы и связи	Рутинное функционирование	Эволюция без становления	Становление без эволюции	Законы самоорганизации
Опорный тип связи	Координация событий	Локальная с оговоркой	Нелокальная (окультурная)	Локальная (фатализм)	Локальная с оговоркой	Локальная вероятностная	Универсальная связь
Лидирующие дисциплины	Опыт и случайное открытие	Философия, математика	Магия, мантика, математика	Механика И. Ньютона	Классическая термодинамика	Механика Н. Бора и Эйнштейна	Синергетика Пригожина-Хакена
Мировоззрение в науке	Единство знания и культуры	Гармония и вечный круговорот	Теистический креационизм	Действительный креационизм	Локальный эволюционизм	Фикционизм, индетерминизм	Глобальный эволюционизм
Характерный тип техники	Целиком ручная	Первые станки и автоматы	Ветряной и водяной привод	Законные рабочие машины	Тепловые двигатели	Электрические машины	Электронные аппараты
Отношение науки к практике	Служит государству	Служит обществу	Служит отд. лицам	Служит общественному хозяйству и всем членам общества			
Связи науки и техники	Слабо связаны друг с другом и с производством предметов потребления		Техника ведущая		Наука ведущая		

Табл. 1. Эволюционные типы науки и техники (век металлов)

Библиографические ссылки:

1. Стёпин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В. С. Стёпин // Вопр. философии. 1989. – №. 10. – С. 3-18.
2. Стёпин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Стёпин. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
3. Фейерабенд П. Против методологического принуждения: Очерк анархистской теории познания /

П. Фейерабенд. – Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – 352 с.

4. Гайденко П. П. Научная рациональность и философский разум / П. П. Гайденко. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 528 с.
5. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : 5-е изд. – М., 1976. – Т. 18. – 525 с.
6. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола») // Вопр. философии. – 2012. – № 12. – С. 3–24.
7. Стёпин В. С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция / В. С. Стёпин // Вопр. философии. – 2012. – № 5. – С. 18–25.
8. Стёпин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность / В. С. Стёпин // Вопр. философии. – 2003. – № 8. – С. 5–17.
9. Малинецкий Г. Г. Синергетика. Король умер. Да здравствует король! / Г. Г. Малинецкий // Синергетика. Труды семинара. Вып. 1, – М. : Издат-во Москов. университета, 1998. – С. 52–69.
10. Самченко В. Н. Исторические типы науки / В. Н. Самченко // Философия науки. – 2000. – № (8). – С. 26–33.
11. Самченко В. Н. Этапы эволюции науки / В. Н. Самченко // Доклады АН высшей школы России. – 2004. – № 1–2. – С. 96–105.
12. Самченко В. Н. Эволюция науки: новый взгляд / В. Н. Самченко // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2009. – Вып. 6. С. 158–165.

Самченко В. М. Типи раціональності і прогрес науки.

Поширена зараз в російській літературі концепція типів наукової раціональності (В. С. Стёпин та ін.) внутрішньо суперечлива, містить морально сумнівні моменти і характеризує еволюцію знання неповно й неточно. Пропонований підхід долає ці недоліки. Додається таблиця історичних типів пізнання і техніки.

Ключові слова: типи раціональності, тип освоюваних пізнанням явищ, наукова революція, лідер науки, ідейний вигляд науки.

Samchenko V. Types of rationality and progress in science.

V.S. Stepin's allocation of three types of scientific rationality became almost conventional in the modern Russian philosophy. But it is internally inconsistent, contains the doubtful moral moments and characterizes evolution of knowledge incomplete and inexact. The offered approach overcomes these lacks.

According to V.S. Stepin's concept, in development of a science, ostensibly accrue elements of subjectivity. The modern postnonclassical science, and its leader – synergetic, ostensibly study complex self-develops systems. – In our opinion, the idea of increase of subjectivity is antiscientific. This expresses totalitarian tradition of the Russian public consciousness. The synergetic studies systems with complex behavior. They can be very simple on structure, but possess a positive feedback

In the consent with spontaneous tradition, Stepin recognizes a uniform classical stage of development of a science with XVII till XIX centuries, ostensibly at leadership of classical mechanics. For the sake of it Stepin denies global transition of a science in XIX century from mechanistic ideology to evolution. The author of this clause enters a preclassical stage of development of a science (XVII–XVIII centuries), when the classical mechanics dominates actually, and not just as a vestige. XIX and the beginnings of XXI centuries it considers as the actual leader of a science – thermodynamics, accordingly – equilibrium and nonequilibrium thermodynamics (synergetic).

The author connects a dominating scientific paradigm of an epoch with *type of the phenomena mastered by knowledge at the given step of its development*. The list of such types includes: 1) *knowledge of properties*; 2) *studying of functioning*; 3) *knowledge of evolution except for becoming*; 4) *research of becoming*; 5) *knowledge of self-organizing, and development as a whole*. The table of historical types of knowledge and technique is applied.

Keywords: types of rationality, type of the phenomena mastered by knowledge, scientific revolution, the leader of a science, ideological shape of a science.

Надійшла до редколегії 28.02.2013 р.

УДК 316. 324. 8:140. 8

В. М. Скиртчач

Донбаський державний педагогічний університет

ІНФОРМАЦІЙНЕ СУСПІЛЬСТВО: ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОБҐРУНТУВАННЯ

Досліджені концептуальні основи становлення інформаційного суспільства, які включають визначення соціально-культурних умов, що уможливають становлення інформаційного способу буття економіки і широке залучення інформаційно – комунікаційних технологій. Показано, що до таких умов належить онтологічне та морально-етичне підґрунтя нової економіки, що й робить доречним її функціонування як інформаційно-комунікативної парадигми. Доведено, що для ефективного функціонування інформаційного суспільства необхідна зміна смислового горизонту та нова трудова етика, яка потребує принципово інших рис характеру та способів поведінки людини, ніж попередні епохи. Евристичний потенціал використання мережевої метафори дозволяє розвивати полісуб'єктну теорію інформаційного суспільства.

Ключові слова: інформаційне суспільство, мережеве суспільство, інформація, інформаційно – комунікаційні технології, онтологія

Сучасне цивілізоване суспільство переживає процес поступового переходу від індустріального до інформаційного стану, протягом якого змінюються ціннісні орієнтири